

- Почему вы не приступаете к еде, молодой господин? Я уже помыл руки.

Ли Юфу, стоявший поодаль, едва не задохнулся от возмущения, услышав, что этот мальчишка набрался такой наглости, чтобы задать подобный вопрос. По мнению евнуха, у этого юнца совершенно отсутствовало чувство меры! Стоило бы ему взглянуть в зеркало и осознать свое положение – даже если бы перед принцем предстал прекраснейший из небожителей, Его Высочество наследный принц ни за что не стал бы есть то, что ему скармливают с рук, а уж тем более – принимать пищу из рук кого-то с такой невзрачной внешностью!

Как раз в тот момент, когда Ли Юфу приготовился к тому, что Его Высочество сейчас разгневется, до его слуха донеслись слова:

- Когти слишком грязные, только аппетит портят.

Ли Юфу на мгновение замер, решив, что ослышался. Его Высочество никогда не отличался склонностью к шуткам, однако в этом холодном тоне сейчас едва уловимо сквозило странное, почти игривое желание подразнить собеседника.

Гу Яньлин совершенно не заметил того сложного, полного недоумения выражения, с которым Ли Юфу смотрел на него. Услышав, что Сяо Синхань сравнил его руки с когтями, он едва сдержался, чтобы не швырнуть в него сахарным печеньем. Какие еще когти?! Чьи это руки он посмел назвать когтями? Да его руки были просто прекрасны!

В глубине души Гу Яньлин отчаянно ругал Сяо Синханя, но внешне он лишь придал лицу выражение глубокой печали и обиженно пробормотал:

- Молодой господин, как вы можете так судить о людях, глядя лишь на внешность? Пусть кожа у меня и темновата, но я каждое утро и вечер тщательно мою руки. Они совершенно чистые, и от них даже исходит приятный аромат.

Сяо Синхань не стал ни подтверждать, ни опровергать эти слова, просто оставив тему без дальнейшего обсуждения.

Слуги один за другим вошли в комнату и начали расставлять изысканные блюда на столе. Гу Яньлин взял палочки, намереваясь разложить еду по мискам, но в последний момент замер, опустив их и с нарочитой манерностью произнес:

- Не испортят ли мои черные руки аппетит молодого господина?

Сяо Синхань вовсе не купился на эту игру. Он лишь холодно произнес:

- Ли Юфу.

Гу Яньлин тут же засуетился и замахал руками, поспешно хватая миски и тарелки. Привычно ища способ оправдаться, он воскликнул:

- Я сам, всё сделаю сам! Сегодня утром я уже прислуживал вам, и ничего, аппетит молодого господина совершенно не пострадал.

Видя подобное отношение Его Высочества к этому мальчишке, Ли Юфу почувствовал, как в его сердце поднимается настоящая буря. Это же было самое явное, неприкрытое потакание!

Прослужив у наследного принца многие годы, Ли Юфу, разумеется, умел читать мысли своего господина лучше любого другого человека. Ему казалось, что с самого первого дня отношение Его Высочества к этому юноше было каким-то странным, необычным.

Гу Яньлин никогда не отличался излишней скромностью и молчаливостью, поэтому его рот снова быстро открылся:

- Молодой господин, мясо голубя достаточно нежное?

- Сухожилия, кажется, разварились достаточно хорошо.

- Молодой господин, будьте осторожны с этой рыбой на пару, в ней остались кости. Ешьте аккуратно, чтобы не подавиться.

Говорил только он, Сяо Синхань же хранил молчание. Ли Юфу с раздражением наблюдал за тем, как мальчишка болтает без умолку, только и твердя о костях, но при этом даже не подумал сам вычистить их из блюда для Его Высочества. Когда же евнух увидел, как Его Высочество собственноручно вытаскивает две рыбы кости, его веко непроизвольно дернулось.

Гу Яньлин на самом деле не обладал навыками профессионального слуги, поэтому он просто, как умел, перекладывал палочками понемногу каждого блюда в миску Сяо Синханя, а в

завершение трапезы поставил перед ним чашку горячего супа.

Однако, даже прополоскав рот и вымыв руки, Сяо Синхань не покинул комнату. Гу Яньлин, заметив это, посмотрел на него и осторожно намекнул:

- Молодой господин, я очень проголодался. Боюсь, что урчание в моем животе может помешать вашему слуху.

Сяо Синхань лишь коротко отозвался:

- М-м.

Гу Яньлин поспешил добавить:

- Тогда я начну есть. Если я наемся, то смогу гораздо лучше прислуживать молодому господину.

Сяо Синхань продолжал молчать. Гу Яньлин, как это часто бывало, принял такое молчание за знак согласия. Он бесцеремонно уселся на стул, повернул голову и взглянул на совершенно ошарашенного Ли Юфу:

- Ешь со мной, здесь еще очень много осталось.

Остатки еды со стола господина действительно могли быть съедены слугами – это была обычная практика. В конце концов, всё, что подавалось к столу господина, готовилось из самых лучших и свежайших продуктов, а некоторые изысканные блюда обычные люди не имели возможности попробовать даже за всю свою жизнь. Однако об этом негласном правиле никогда не принято было говорить вслух, и уж тем более – делать этого в присутствии самого господина.

Ли Юфу, услышав неожиданное приглашение Гу Яньлина, тут же с грохотом опустился на колени:

- Господин, простите мою дерзость!

Гу Яньлин испугался этого внезапного жеста, и палочки, которые он уже поднес ко рту, замерли в воздухе. Он в замешательстве не знал, стоит ли продолжать трапезу или лучше отложить их в сторону, поэтому вопросительно посмотрел на Сяо Синханя.

Он искренне не понимал, почему Ли Юфу при любом удобном случае сразу падает на колени.

Сяо Синхань спокойно произнес:

- Встань. Возьми то, что тебе нравится, и ешь.

- Благодарю за милость, молодой господин, - с глубоким почтением отозвался Ли Юфу.

Какая же это, к черту, милость? Всего лишь обеды со стола. Гу Яньлин всё больше и больше убеждался в том, что слова Ли Юфу о том, будто он прислуживает господину и не получает за это никакой награды, были обыкновенным хвастовством.

Сяо Синхань, по мнению юноши, выглядел куда менее щедрым, чем хотелось бы.

Ли Юфу послушно поднялся, наложил себе немного еды в миску и удалился, чтобы закончить обед в боковой зале.

Гу Яньлин не стал слишком долго раздумывать над произошедшим, решив для себя, что в столице просто существует множество странных и непонятных правил. В любом случае, он сам не был выходцем из столицы, и, что самое важное, он не продавался Сяо Синханю в рабство.

- Молодой господин, Ли Юфу ведь уже в почтенном возрасте, почему же он при каждом удобном случае сразу падает на колени? - поинтересовался Гу Яньлин. - Вы что, подписали с ним какой-то особый контракт о продаже в рабство?

- За едой не разговаривают, - холодно отрезал Сяо Синхань.

Гу Яньлин совершенно не придавал этому замечанию значения и продолжил:

- Я же не брызгаю едой, я говорю только тогда, когда во рту ничего нет. Не верите - посмотрите сами, - сказав это, он, чтобы доказать свою правоту, даже широко открыл рот.

Сяо Синхань мельком взглянул на мелькнувший в его рту кончик красного языка и коротко

бросил:

- Закрой рот.

Изначально Гу Яньлин не вкладывал в этот жест никакого скрытого смысла, он просто хотел продемонстрировать, что его рот пуст. Но вдруг в его голову закралась неожиданная мысль: Сяо Синхань ведь любит мужчин, не будет ли этот жест выглядеть как намеренное соблазнение? Подумав о том, как он сейчас выглядит со стороны, юноша невольно рассмеялся, решив, что слишком много на себя берет.

Впрочем, он всё же послушно закрыл рот и принялся тихонько есть. Он кожей чувствовал, что Сяо Синхань всё это время пристально наблюдает за ним, поэтому поднял голову и встретился взглядом с бездонными, темными глазами принца. Проглотив кусочек еды, он моргнул и спросил:

- Молодой господин, почему вы всё время смотрите на меня?

Лицо Сяо Синханя осталось абсолютно бесстрастным. Вместо прямого ответа он задал встречный вопрос:

- Разве не ты только что открывал рот, чтобы я посмотрел?

Услышав это, Гу Яньлин мгновенно опустил голову и с удвоенным усердием принялся за еду, рассеянно жуя. «Не может быть...» - пронеслось у него в голове.

Неужели молодой господин и вправду положил на него глаз? Хотя он сейчас выглядел совершенно обычно, а его темная кожа в любой толпе сделала бы его незаметным, он всё же был мужчиной! А вдруг у молодого господина какой-то особый, специфический вкус, и ему нравится именно такой тип?

В течение последних нескольких дней он внимательно наблюдал за происходящим во дворце: слуги, работавшие здесь, хоть и были белокожими и изнеженными, но рядом с Сяо Синханем прислуживал почти исключительно Ли Юфу, и никто другой не смел приближаться к нему так близко.

Неужели он и в самом деле приглянулся принцу? Иначе как объяснить тот факт, что он столько раз выводил его из себя, но до сих пор не был сурово наказан?

Чем больше Гу Яньлин размышлял об этом, тем более правдоподобной казалась эта теория!

Однако он считал себя человеком принципиальным. Он точно не был из тех, кто пойдет на всё и предаст себя ради достижения какой-то цели!

Несмотря на то что Гу Яньлин всё ещё оставался невинным юношей, он был весьма осведомлён в определённых вопросах. Учиться он не любил, от серьезных книг у него кружилась голова, но вот всякие непристойные книжонки он читал с огромным охотой.

Он, конечно, прекрасно представлял, чем именно приходится заниматься наложникам-мужчинам! Стоило ему лишь вообразить, как Сяо Синхань с силой прижмет его к кровати и будет делать с ним такое, как он едва не завыл от ужаса. Нет-нет, он так не сможет! Ни за что!

Сяо Синхань заметил, что Гу Яньлин, кажется, готов буквально зарыться лицом в свою миску, и, не понимая, о чем тот так напряженно размышляет, спросил:

- Что «не сможешь»?

Гу Яньлин и сам не заметил, как произнёс эти слова вслух. Увидев, что Сяо Синхань допытывается, он смущенно покачал головой:

- Нет, ничего.

- Подними голову, - приказал Сяо Синхань.

В этот момент Гу Яньлин пребывал в состоянии глубочайшего потрясения. В его голове всё еще крутилась картина того, как Сяо Синхань прижимает его к кровати, поэтому он, разумеется, совершенно не хотел смотреть принцу в глаза:

- За едой не разговаривают, вы сами только что это сказали, - ответил он. - Я буду есть.

Сяо Синхань не стал настаивать. Он поднялся и коротко бросил:

- Придешь в кабинет, когда закончишь.

Гу Яньлин лишь молча замер.

Провожая взглядом удаляющуюся спину Сяо Синханя, Гу Яньлин почувствовал, как аппетит мгновенно исчез. В голове, словно набат, билась лишь одна тревожная мысль: зачем ему идти в кабинет?!

Неужели он настолько нетерпелив, что, не в силах дождаться подходящего момента, решил прижать его не к кровати, а прямо к письменному столу? Вполне вероятно!

В тех самых непристойных книжонках было полно подобных историй, где господин и его верный слуга предавались утехам прямо в кабинете!

Ли Юфу вернулся вместе со слугами, чтобы убрать посуду. Заметив, что Гу Яньлин застыл на стуле с совершенно остекленевшим взглядом, он недоуменно спросил:

- Ты всё ещё собираешься есть?

Гу Яньлин вздрогнул и пришел в себя, его взгляд наконец прояснился.

- Юфу, молодой господин велел мне явиться в кабинет, как только я закончу с едой.

Ли Юфу, будучи главным евнухом Восточного дворца и человеком крайне опытным, на мгновение растерялся. Он просто не знал, как реагировать на то, что какой-то мальчишка с таким вопиющим отсутствием уважения позволяет себе называть его просто «Юфу». Однако теперь, глядя на скорбное, почти траурное лицо Гу Яньлина, евнух злорадно усмехнулся:

- Догадался, что молодой господин собирается тебя наказать, вот и перепугался? Вот так и будет. Будешь знать, как водить господина в подобные непотребные места.

Если не преподать этому юнцу суровый урок, кто знает, каких еще бед он успеет натворить. Размышляя о «кривых» мыслях мальчишки, Ли Юфу... Ли Юфу искренне не понимал, откуда в нем взялась такая запредельная самоуверенность, чтобы вообще допускать подобные мысли в своей голове.

- Ты ничего не понимаешь, - тихо отозвался Гу Яньлин.

Молодой господин действительно собирался его наказать, но вовсе не таким образом, а совсем другим!!

Ли Юфу показалось, что, хотя Гу Яньлин произнес всего три слова, его чрезмерно выразительное лицо сказало гораздо больше. Не дожидаясь уточняющих вопросов, юноша внезапно вскочил со стула. Его тон стал торжественным и героическим, словно он был воином, который с достоинством идет на верную смерть:

- Я пошел!

Ли Юфу лишь молча проводил его взглядом.

Гу Яньлин же уже всё для себя решил: если Сяо Синхань действительно вознамерится сделать с ним что-то подобное, он предпочтет умереть, но не подчиниться. В конце концов, быть наложником – дело добровольное.

Дверь кабинета была плотно закрыта. Гу Яньлин осторожно постучал и объявил:

- Молодой господин, я вхожу.

Не дожидаясь ответа, он толкнул дверь и вошел. По привычке он хотел закрыть её за собой, но, внезапно вспомнив о том, что может произойти в этой комнате, помедлил и убрал руку. «Пусть дверь остается открытой!» – решил он.

Сяо Синхань, не слыша звука шагов, произнес:

- Подойди.

- Ох, – негромко выдохнул Гу Яньлин.

- Закрой дверь, – приказал Сяо Синхань.

- В комнате слишком жарко, – попытался возразить Гу Яньлин. – С открытой дверью будет прохладнее.

Сяо Синхань лишь мельком взглянул на него, видя, как тот нерешительно мнетя у самого порога.

- Я не привык повторять дважды.

Гу Яньлин неохотно закрыл дверь и, ощущая на себе тяжелый, пронизывающий взгляд Сяо Синханя, медленно подошел к столу.

- Молодой господин, зачем вы меня позвали? Мне скоро нужно будет приступить к изготовлению ароматического мешочка для вас. Это сложный процесс, который займет весь вечер.

- Это не к спеху, - спокойно ответил Сяо Синхань.

«Раз не к спеху, то что тогда?» - Гу Яньлин даже боялся представить истинную причину.

- Здоровье молодого господина - дело первостепенной важности, как же тут может быть «не к спеху»! Если долго не высыпаться, это нанесет серьезный вред всему телу!

Сяо Синхань не желал слушать эту бессмысленную болтовню.

- Что ты обещал перед выходом из поместья? Если не сможешь меня удовлетворить, то будешь наказан по моему усмотрению.

Вот оно! Он так и знал! То «наказание», о котором принц говорил тогда, было совсем не тем наказанием, которое обычно полагается слугам!

Гу Яньлин инстинктивно отступил на шаг, переходя в оборону.

- Это всё потому, что молодой господин сам не зашел внутрь, чтобы прочувствовать эффект! Если бы вы зашли и ощутили аромат, вам бы обязательно понравилось, вы бы точно остались

довольны.

- Дерзость, - коротко констатировал Сяо Синхань.

В последнее время Гу Яньлин слишком часто слышал это слово, но впервые - из уст Сяо Синханя. Хотя тон принца не был тяжелым и ничем не отличался от его обычного спокойного голоса, само это слово создало такое мощное давление, что у Гу Яньлина подкосились ноги, и он подсознательно порывался просить прощения.

- В чем ты ошибся? - спросил Сяо Синхань.

Гу Яньлин понятия не имел, в чем именно он провинился.

- Значит, не знаешь, - заключил принц.

Гу Яньлин набрался смелости и, глядя принцу прямо в глаза, выпалил:

- Вы же просто хотите меня наказать, так ведь?!

- Не знаешь своей вины, да еще и дерзишь, - Сяо Синхань слегка прищурился. - Разве ты не заслуживаешь наказания?

Гу Яньлин, разумеется, с этим не согласился.

- Я не виноват! Молодой господин любит мужчин, и я повел вас в павильон Южного Ветра, искренне желая порадовать вас. В чем же здесь моя вина?

Впрочем, сейчас ему казалось, что молодому господину больше по душе его нынешний облик после маскировки, и те белокожие красавцы из павильона Южного Ветра действительно не пришлись принцу по вкусу.

- «Люблю мужчин»... - Сяо Синхань медленно смаковал эти слова. То, что Гу Яньлин мог произнести подобную нелепость, ничуть его не удивило.

Заметив, что Сяо Синхань внезапно усмехнулся, Гу Яньлин невольно вздрогнул от испуга. Хотя Сяо Синхань был невероятно красив, он вечно носил на лице каменную маску, поэтому от его улыбки не веяло весенним теплом – напротив, по спине пробежал ледяной холодок.

- Смеетесь... над чем вы смеетесь? – пролепетал юноша.

- Подойди, – приказал Сяо Синхань.

Гу Яньлин в этот момент был готов буквально прирасти к месту.

- Я... я постою здесь и послушаю, – пробормотал он.

Сяо Синхань неспешно наслаждался выражением его лица.

- Раз уж ты так хочешь меня порадовать, другие мне не нужны. Пусть этим человеком будешь ты.

Увидев, что принц наконец-то раскрыл свои истинные намерения, Гу Яньлин в ужасе инстинктивно прикрыл собой зад, а головой затряс так сильно, что она едва не пошла кругом.

- Я не хочу! Это дело добровольное! Не думайте, что раз вы молодой господин, то можете делать всё, что вам вздумается!

Сяо Синхань совершенно не ожидал, что тот воспримет его слова настолько всерьез.

- ...